

И. А. Седакова (Москва)

ТРАДИЦИОННЫЕ И НЕТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ
РУССКИХ И БОЛГАР:
ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ¹

В статье обсуждаются основные понятия, которые являются центральными в общей работе российских, болгарских и словацких ученых по проекту «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире». Это необходимо для того, чтобы выявить специфику исследовательской задачи, выработать методiku и решить основную проблему проекта — обозначить границы и провести разделительную черту (насколько возможно) между «старыми» и «новыми», традиционными и нетрадиционными ценностями. Важно также понять причины и способы модификации ценностей, их иерархии в разные периоды в разных слоях общества. Для анализа требуется и сопоставительный подход к языкам, культуре и истории русских, болгар и словаков.

Работ по аксиологии в последние годы немало. В изучаемой области оценка явлений, объектов, субъектов, действий, качеств в языковой картине мира представлена в ряде этнолингвистических публикаций (Эволюция ценностей 2011; Bartmiński 2014; Wartości 2015; Категория оценки и система ценностей в языке и культуре 2015; Березович 2014; Виноградова 2016; Витанова 2012; Китанова 2015; Мичева-Пейчева 2017). Сравнение ценностей по определенной, общей для всех работ методике проводится в рамках международного проекта EURJOS под руководством Е. Бартминьского (Люблин, Польша). Результатом этих исследований стал целый ряд публикаций, в том числе пять томов «Аксиологического лексикона славян и их соседей» (LAS 2015–2019).

¹ Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003\19 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472-LED-SW).

Обратимся к ключевому термину **ценности**, который, согласно нашей гипотезе, претерпевает значительные изменения в историческом развитии языка. Само понятие «ценности» также подвергается серьезной модификации. Его лексическое обозначение в литературном русском и болгарском языках совпадает и коррелирует с тем, что «дорого» как в материальном, так и духовном плане, однако имеются и отличия. Сравним вкратце лексикографические данные в основных словарях русского и болгарского языков, поскольку дефиниции, даже краткие, отчетливо отражают и семантику, и (благодаря примерам) прагматику слова. Согласно одностомному толковому словарю болгарского языка, **Ценност** 1. Ценный дорогой предмет (но не деньги); драгоценность. 2. Ценные качества, свойства, характеристики отдельного человека или общества (БТР 1973: 1091). Словарная статья в одностомном толковом словаре русского языка выделяет больше значений, чем в БТР: **Ценность** 1. См. *ценный*; 2. Цена, стоимость; 3. *Чего* Важность, значение; 4. Обычно мн. Ценный предмет, явление. *Хранение ценностей. Культурные ценности. Духовные ценности. Материальные ценности* (ТСРЯ 2007: 1078). Словари XIX века дают несколько иную картину. Так, у Н. Герова *ценност* отсутствует, фиксируются глаголы *цена, ценя се / ценувам се* ‘торговаться’ и прилагательное *ценен*, причем исключительно в материальном, «стоимостном» значении (Геров 5: 532). У В. И. Даля существительное толкуется через прилагательное и тоже через «цену», «дороговизну»: *Ценность* — свойство от прил. *Ценный* ‘дорогой, стоящий много, что в цене’ (Даль 4: 578).

Таким образом, слова *ценность* и особенно *ценности* как понятие в русском и болгарском языках XIX–XX веков если и использовались, то совсем не в том смысле, в котором используются в современном дискурсе. *Ценности* (подчеркнем, что здесь важно именно множественное число как собирательное обозначение существенных понятий) стали научным термином, обозначающим в каждой сфере знаний свой блок явлений и характеристик, с постепенным развитием философского, религиозного, социологического, психологического изучения предмета аксиологии. В том списке ценностей, которые мы анализируем в рамках проекта, представлены в основном абстрактные, идеальные, природные понятия (жизнь, язык, любовь, семья, храбрость, честь, вода и др.), что соотносится с определением ценностей в философии, социологии, психологии. Но на практике в языке традиционной культуры эти понятия не будут обобщенно именоваться «ценностями». В экспедиции, разговаривая с пожилыми людьми, вряд ли в ответ на вопрос «Какие у

вас ценности?» мы услышим: «Любовь, семья, уважение, честность»². Данный вопрос может быть понят информантом только в материальном смысле, и ответом будет «кольцо от мамы» или, может быть, «дом» (и прочие предметы, доставшиеся в наследство). Поэтому при исследовании традиционных ценностей в полевой работе мы используем другую лексику, иные части речи и обороты: «Что для вас важно, значимо, дорого?». Или: «Что вы цените в жизни?», «Что главное в семье, в воспитании детей?», «За что вы уважаете человека?» и др. Это обстоятельство позволяет увидеть в понятии «ценности» и лексике, его обслуживающей, существенные моменты. Прежде всего лингвистические — для понимания концепта «ценности» (как и любых других понятий) существенно словообразовательное и синонимическое гнездо (Толстая 2010). Так, прилагательное *ценный* во втором значении толкуется как «перен. С большими достоинствами, важный, нужный» (ТСРЯ 2007: 1078). Именно эти определения и являются по смыслу ключевыми в обсуждении ценностей с носителями традиционной культуры.

Итак, «ценности» применительно к народной культуре, традиционным ценностям — искусственный термин, и в нашем проекте мы используем его как рабочее понятие.

Совсем другой статус у понятия «ценности» и соответствующего термина в современном дискурсе, где это уже не искусственный рабочий конструкт. Люди не только вербализуют и называют ценности, но и постулируют свои предпочтения, выстраивая иерархию. Такое явление типично не только для обозначения индивидуальных, персональных ценностей (которые нередко соотносятся с потребностями, ср. пирамиду Маслоу), но и общественных, государственных, а также корпоративных (в языке бизнеса) и др.³

Нередко в современном употреблении термин *ценности* размыт, его семантический и прагматический объем нечёток (см. статью Н. С. Гусева в данном сборнике). Это стало «удобным» словом для обозначения позиции — будь то общественной, идеологической или персональной; пре-

² В последние годы чистоты эксперимента не может быть, так как в села России и Болгарии активно проникло телевидение, радиовещание, нередко и интернет, где информанты наверняка слышат рассуждения о «ценностях» государственно-го, предпринимательского или личного характера.

³ Значительный поворот в изменении подхода к ценностям произошел в постперестроечные годы. Именно тогда — с отходом от идеологии, возвратом к религиозности, возможностью свободных контактов с Западом и пр. — выстраивается иная по сравнению с периодом социализма иерархия ценностей (Леонтьев 1992, 1998; Лапин 1996; Журавлев 2006; Земрах 2005; Шварц 2012 и др.).

вратилось в слово-«заместитель», которое может быть символом мировоззрения, мироощущения или свода бытовых взглядов на повседневное поведение. Частотность этого слова очень велика. В наши дни в русском языке (и субъективно предполагаю, что и в болгарском) слово-термин «ценности» заменило собой множество смежных лексем, обозначающих близкие по смыслу понятия. В зависимости от контекста «ценности» могут употребляться как «убеждения», «установки» (в политическом, историческом дискурсе), «добродетели», «законы» (в религиозном дискурсе), «правила жизни», «убеждения» и пр. (в личном дискурсе).

Ценности фигурируют в текстах самых разных жанров, в устной речи, шутках, анекдотах и «афоризмах»; ср., например, довольно абстрактный совет девушкам о выстраивании романтических отношений: «Выбирайте людей своего уровня ценностей» (kubliflfe.blogspot.com). «Нечеткость» формулировок вообще характерна при обсуждении ценностей, ср.: «Ты как-то сказал, что „ценности мои (что бы вы там ни думали) довольно простые: я со всеми, кто желает русскому моему народу добра“» (из интервью Антона Красовского; m.spletnik.ru, 02.08.2019).

Как видим, «ценности» упоминаются не только в разных жанрах, но и в тематически разных текстах, как авторских, так и «анонимных». О них пишут благотворительные фонды: «Главная ценность нашей страны — это не нефть, не газ, не золото, не лес и даже не бескрайние просторы. Главная ценность нашей страны — это люди» («Такие дела», 28.07.2019). Ценности — обязательная составляющая популярных сегодня психологических блогов. Таких материалов великое множество; приведем один показательный пример — авторская теория синтон-подхода в практической психологии Н. И. Козлова и его коллег (<https://www.psychologos.ru/articles/view/sinton>). Три сферы ценностей, выделяемые авторами, охватывают «Дело, бизнес», «Развитие себя» и «Личную жизнь и отношения». Это типичный пример акцентирования новых ценностей — «самореализации», «комфорта», «карьеры», «развлечений и отдыха» — с отсылкой к базовым ценностям: «дом», «семья», «здоровье». Традиционные ценности даются в сочетании с нетрадиционными: так, «здоровье» увязывается с «красотой»⁴ и «гармоничным развитием», а «дом» — с «комфортом» и «деньгами». Показательно, что в этой теории, как и в общем современном дискурсе, доминирует индивидуаль-

⁴ Очевидно, что здесь речь идет не о красоте в традиционном понятии (естественной, природной), а о полученной в результате успешной работы над собой с применением «волшебных» косметических средств.

ность, персонализация, то есть «Я»⁵. Подобная оптика поддерживается рекламой, и в ней отчетливо прослеживается динамика ценностей и употребления самого термина. Если в первое десятилетие слово *ценности* в самих слоганах не звучало, их надо было определять через другие слова (Седакова 2010а), то сейчас этот термин нередко фигурирует в разного рода рекламных текстах и захватившем маркетинговые сферы сторителлинге.

Обсуждение повседневных навыков в современную эпоху, в частности излишнее использование гаджетов, также привлекает понятие «ценности»: «Мы обнаружили, что участники отключались от своих смартфонов по разным причинам, а для успешного изменения привычек требуется, чтобы стратегия совпадала с личными ценностями и мотивацией (а также ценностями ключевых коллег по работе и других важных людей в жизни)» (m.vedomosti.ru, 24.07.2019. Как избавиться от цифровой зависимости).

«Семейные ценности — это то, что в каждой семье по факту передается из поколения в поколение и определяет поведение семьи. Но редкая семья эти ценности осмыслила и сформулировала. Еще реже имеется стратегия и технология передачи семейных ценностей. Пример: семья американских нефтехимических магнатов Кохов. <...> Чейз вспоминал, как его отец требовал, чтобы его дети каждый день следовали пяти семейным принципам: любовь, смелость, вера, честь и преданность», — размышляет на Фейсбуке юрист Виктор Вяткин, цитируя статью об американских потомственных предпринимателях (www.forbes.ru, 22.07.2019).

Ценности — обязательный компонент описания стратегии бизнеса; ср.: «Моя задача — сделать так, чтобы ценности „Додо Пицца“ разделяли все франчайзи», — пишет HR-менеджер компании Е. Пантелеева (www.huntflow.ru, 17.07.2019). На сайтах и в печатных материалах банков, фирм, школ, колледжей и университетов нередко есть разделы «Ценности и миссия» (Кузеванова 2011). О ценностях говорят на высшем государственном уровне («национальные ценности», «ценностные образцы», «ценностные ориентиры» и т.д.), их прописывают в законах и обсуждают в СМИ и интернете. Нередко традиционные ценности России противопоставляются западным: «Директор Службы внешней разведки Сергей Нарышкин считает, что под предлогом раскрепоще-

⁵ Надо отметить, что на такую иерархию ценностей значительно повлияла западная литература; ср., например: Connors 2017.

ния людей по всему миру идет процесс агрессивного размывания традиционных ценностей» (РБК, 18.06.2019; <https://www.rbc.ru/politics/18/06/2019/5d0890499a79479be37fe45d>).

Примеры могут быть значительно умножены; остановимся на положении, что понятие «ценности» важно для характеристики поколений: «Поколение X — это те, кто родился с 1964 по 1984 год, их ценность — уникальность, им важно быть ни на кого не похожим...» («Православие и мир», 06.08.2019). Во все времена конфликт между поколениями строится на противопоставлении ценностей. Приведем пример из нашего опыта полевой работы в Болгарии в селах старообрядцев: в 1960-е годы молодежь бунтовала против строгих принципов и убеждений людей «старой веры», включая одежду, исполнение церковных и молитвенных правил и др. Конфессиональные и семейные ценности отрицались, молодые старообрядцы принимали современные принципы жизни «как все» (Седакова 2009)⁶. О хронологии ценностей и поколенческом противопоставлении старых и новых ценностных ориентиров пишут многие ученые (Ипанова 2005; Васильев 2016 и др.).

Представляется, что отчасти в употреблении терминологической лексики проходит граница между традиционными и нетрадиционными ценностями. Однако, как и всякая граница, она условна и не имеет четких очертаний — встречается немало ситуаций, когда аксиологические понятия совпадают, то есть инвентарь ценностей отчасти сохраняется. Но наполнение этих понятий (содержание, контент) и контексты будут различаться; ср. изменение представлений о семье, любви и др. в патриархальном и современном обществах.

Так, например, призыв «Не смотрите свысока на такую ценность, как дружба» (Фейсбук, 13.08.2019) в наши дни может стать поводом для размышления о том, что такое *дружба*, *друг* и *френд* в современном мире. Это хороший пример для обсуждения динамики ценностей: как уже говорилось, ценности в российском и болгарском постсоциалистическом обществе артикулируются публично; традиционные ценности в современной «обработке» значительно меняют свое содержание и прагматические свойства, они описываются иной лексикой, информативно подаются совсем в ином ракурсе (ср. рекламные тексты, посты в интер-

⁶ С возрастом, однако, отрицавшие веру, церковь и обряды возвращались к старообрядческим ценностям и становились их ревностными хранителями, вступая в конфликт с очередным молодым поколением (Седакова 2009).

нете). Применительно к *другу* виртуальная форма *френд* обрела свое место в системах русского и болгарского языков; ср. рус. *зафрендить, отфрендить, френдонад, расфренд, френдзона* и др., болг. *френд/френдове, отфренда* и др. Безусловно, реальная и виртуальная дружба имеет совершенно разное содержание, предполагает разные отношения и действия (ср.: «встреча с другом в реале», «поход с подружкой в кино» и «лайк в соцсети в поддержку френда»). Однако и здесь видится определенная преемственность ценностей — просто дружба перенеслась в новое пространство. Можно говорить о том, что нетрадиционные ценности, как мы видели, приносят с собой новую лексику или лексику переосмысленную, нередко заимствованную и нетипичную для словаря традиционной культуры (ср.: *креативность, лидерство, самореализация, карьера* и др.). Однако и ценности, обозначаемые традиционной славянской лексикой, значительно модифицируются в новом мире. В наших предыдущих работах по аксиологии мы останавливались на анализе таких ценностей, как *старость, жизнь, здоровье, семья, честность, свобода* и некоторые другие (Седакова 2010, 2013, 2015). Опубликованные пять–десять лет назад, статьи уже дают материал для изучения динамики ценностей, поскольку за эти годы скорость общественных и технологических изменений увеличилась, что отразилось и на оценке понятий, явлений и качества.

Так, например, очень заметна трансформация традиционной ценности *старость*, которая в наши дни переходит в новое оценочное качество. Старость отодвигается, отрицается, с ней борются разными способами, декларируют о возможностях легендарного долгожительства и т.д., тогда как в традиционной картине мира взросление и старение человека — это естественный процесс, противостоять ему нельзя. Мы исследовали ценности, опираясь в основном на методы этнолингвистики и используя соответствующие материалы — лексику и фразеологию, фольклорные произведения, данные этнографии. В традиционной картине мира старость как ценность соотносится, с одной стороны, с мудростью и опытом, а с другой — с утратой когнитивных способностей, уменьшением физических сил, падением работоспособности. Благодаря таким характеристикам концепт «старость» получает прямо противоположную оценку — от сакрализации старости (в народной картине мира, согласно фольклорным легендам, Господь Бог и святые ходят по земле в облике старцев) до ее демонизации (болезни, персонажи низшей мифологии нередко предстают в образах стариков и старух).

Для оценки *старости* (и других ценностей) на современном этапе изучения материала необходимо привлекать социо- и психолингвистические методы. Как следует из рекламных текстов, СМИ и интернета, повседневных диалогов, в последние годы ценность старости как синонима знаний и мудрости подвергается сомнениям; кроме того, появились удобные источники для получения информации — вследствие быстрого развития технологий. Поисковые системы выдают ответы на вопросы за считанные секунды, глагол *погуглить* прочно вошел в словарь русского языка; ср.: «Сегодня старость перестала быть редкостной драгоценностью... Когда-то, столкнувшись с трудным вопросом, мы обращались к старикам, но сегодня обращаемся к GOOGLE, а если у нас какая-то проблема с компьютером, мы скорее попросим подростка, а не старейшину» (Гаванде 2019: 21)⁷.

Остановимся на основных параметрах ценности *любовь*, чтобы показать как динамику этого понятия, так и ее многоплановость и зависимость оценки от контекста (подробнее см.: Седакова 2018). В нескольких статьях данного сборника *любовь* исследуется преимущественно как концепт богословский, христианский: в средневековых текстах любовь к Богу прославляется, плотская же любовь осуждается (если только она не освящена церковным браком)⁸. Мы же посмотрим на любовь «человеческую», между мужчиной и женщиной, опираясь в основном на традиционные для этнолингвистики методы и данные, но привлекая и самые последние метаморфозы этого ценностного концепта. Для этнолингвистического анализа данной ценности релевантны языковые материалы, слова, которые образуют определенную лексико-семантическую группу. Лексика и фразеология выявляют существенные черты этого концепта — амбивалентность, градацию оценки, сочетание с другими ценностными понятиями, субъектами, объектами и действиями. Кроме обозначения самого чувства (эмоции и состояния, по Ю. Д. Апресяну (2005) и С. М. Толстой (2012)), сюда входят предикаты ‘любить’, ‘желать’/‘хотеть’, ‘дорожить’, экспрессивные ‘сохнуть по кому-л.’, ‘сходить с ума по кому-л.’ и некоторые другие (казалось бы, удаленные

⁷ Мы не можем полностью с этим согласиться, поскольку знания старшего поколения применительно к памяти, обычаям, традициям по-прежнему востребованы, их не найти в интернете. Об этом говорят сами информанты, сожалея, что не записали со слов уже ушедших родственников мемуары об истории семьи, села и пр.

⁸ Плотская любовь и эротика представлены в разных жанрах фольклора и описаны исследователями (Бадаланова 1993; РФФ 1995).

от изучаемой эмоции) глаголы действия. Множество фразеологизмов и устойчивых сравнений передают разную степень чувства и состояния: рус. *потерять голову, утратить рассудок, быть без ума от кого-л.*, что означает сильную влюбленность, близкую к безумию; ср. болг. обозначение молодого парня (ухажера) — *лудо-младо* <безрассудный-молдой>. Это важно именно с точки зрения аксиологии, потому что положительное в высшей степени не всегда оценивается как ценностное, в традиционной картине мира предпочитается норма. Излишнее выражение чувства уподобляется болезни, ср. рус. *тоска* (Топорков 2015), болг. *мерак* ‘любовь, страсть, томление’, и нередко объясняется магией и колдовством. Состояние такой влюбленности мучительно, «больной»/«больная» буквально сохнет или горит/сгорает, чахнет и может умереть. Обычная («не мифологическая») любовь также приносит страдания, способна довести до самоубийства и смерти от страданий, о чем повествуют в большом количестве фольклорные песни и нарративы.

Для языковой картины мира в целом и для исследуемого концепта характерны выделение и бóльшая частотность негативных или трагических случаев — неразделенной любви, внебрачных любовных связей, измен, вмешательства «разлучницы» и пр. К примеру, любовь и следствия плотских отношений («плоды» любви), согласно народным поверьям, могут воздействовать не только на узкий круг людей. В результате «греха» оказываются наказанными пара влюбленных, семья, род и целое село.

Об опасности излишней увлеченности повествует болгарская этиологическая легенда. Сам факт того, что в фольклорном корпусе такой текст существует, свидетельствует о важности этого чувства в творении мира; в данном случае оно «участвовало» в «формировании» анатомии человека:

При създанието на човека Господь билъ направилъ сглобата на главата. му да се отхлупва отъ горе, тъй що кога ги нападнатъ гадовете, наречени вьски, да няматъ нужда да са пощятъ едни други, ами да може всякои да си отхлупя гърнето—капакътъ на главата и да си се опосква. Но една мома като си била отхлупила главата да я пощи, доишелъ любовникътъ ѝ, а тя са заглъвикала да се либиятъ и забравила горния си черепъ тамъ дето го пощела, а една свиня идва, грабва отхлупения черепъ отъ главата па го изяда; момата така се била повела подиръ иргеня, щото забравила и посканъето и върхътъ на главата си. А иргенътъ така билъ са предалъ къмъ момата, щото не я съгледалъ, че ѝ няма капакътъ на главата ѝ, или не му смислилъ, че може до суши да фиряса мозъкътъ ѝ. Ама Господь видель и казалъ: то не става тъй;

тези хора единъ за други и безъ глави ще останатъ, ами да имъ заваря азъ капака о главата, а че като се либятъ единъ други нека се и пощатъ както могатъ: инакъ рекъль ще са забравятъ ся да ходятъ безъ капакъ, та ще изветрява мозакътъ имъ и ще останатъ съвсемъ безъ мозкъ. И тѣй взель та утвърдилъ и завариль сглобата на главата имъ да се не отхлупва вече. И така е станаль този днешни среденъ човешки родъ, и така се осъвършенствувала човешката глава.

Создав человека, Господь так собрал (смонтировал) его голову, чтобы в случае, если на него нападут паразиты, называемые вшами, людям не надо было бы искать вшей друг у друга, а каждый мог бы сам открыть горшок-голову, снять крышку с головы и искать у себя вшей. Но случилось так, что одна девушка сняла крышку со своей головы, а в это время пришел ее возлюбленный, она увлеклась своим приятелем и оставила верхнюю часть своего черепа там, где сидела и искала у себя вшей. В это время к крышке, которую сняла с головы девушка, подошла свинья, схватила ее и съела. Девушка так увлеклась своим парнем, что забыла и о вшах, и о крышке на голову. А парень так увлекся девушкой, что не заметил, что у нее нет крышки на голове, или просто не догадался, что мозг-то у нее может испариться. Но Господь увидел и сказал: так дело не пойдет; эти люди один из-за другого могут без головы остаться, я прикреплю крышку к голове, чтобы, когда влюбленные вдвоем находились, они бы и искали друг у друга вшей, иначе, сказал Он, они совсем обо всем позабудут и будут ходить без крышек, и у них мозг выветрится, и они останутся совсем без мозгов. И он так и сделал, закрепил голову, чтобы она уже не открывалась. И так и остался до сегодняшнего дня человеческий род, так была усовершенствована голова человека (СБНУ 1890/2: 165–166)⁹.

Необходимо отметить и важные для анализа концепта сопоставительные моменты. Русская и болгарская любовная лексика во многом различаются. Приведем в пример несколько болгарских лексем, чтобы продемонстрировать, как в словнике любви сочетаются славянские и турецкие (арабские) слова. Так, параллельно употребляются *изгора* и *мерак* ‘возлюбленного до брака, вне семьи’, также встречаются *либе/любе, севда*, которые могут быть обращены к супругу/супруге.

Турцизм *севда* в функции обращения или субстантива весьма частотен в любовных песнях с разными мотивами: *Станко ле, Севда голяма* <Станко, Любовь великая>; *Керимо, бяла ханъмо, Аз имам севда на тебе* <Керимо, белая госпожа, я к тебе испытываю любовь>; *Удавили са двамата, либи за либи отиде, Севда за севда потъна* <Утонули двое,

⁹ Аппеляция к любви и первородному греху, безусловно, представлена в значительном количестве фольклорных этиологических текстов. Отметим особо этиологические тексты с сюжетами о трагической любви (Белова, Кабакова 2014).

любовь за любовью ушла, любовь за любовь утопилась» (Геров 5: 218). Интересны с точки зрения болгарско-турецкого параллелизма и адаптации заимствования следующие строки родопской песни: *Бекиро, либе Бекиро, от севдью да са умира, ѝе веке да сом юмрела, лю ми се сохне и вехне. Суха съм вейка станала* <Бекира, любовь Бекира, от любви если умирают, я бы уже умерла, я сохну и увядаю. Я уже сухой ветвью стала> (зап. Хр. Нейков).

В этом контексте заслуживает особого внимания слово *мерак*. В словарях балканославянских языков *мерак* выступает как полисемичное слово, при этом значение ‘любовь’, ‘страсть’ указывается как устаревшее и (или) диалектное. Однако и здесь лексикографические сведения дают многое для понимания аксиологического статуса лексемы. Очень показательны примеры в словарной статье — они всегда передают драматическую коллизию: *Напуснал е отечеството си още преди петдесет години — от някакъв мерак по жена* <Он покинул отечество пятьдесят лет тому назад — из-за любви к женщине> (Ив. Вазов) — или апеллируют к изначальной ситуации выбора «по любви»: *Но кажи ми, защо я биеш? Не си ли я взел у дома си по мерак?* «Но скажи мне, почему ты ее бьешь? Ты же привел ее в дом по любви?» (РБЕ 9: *мерак*).

Фольклорных песен со словом *мерак* в болгарской традиции великое множество. *Мерак* в данном случае, в зависимости от контекста, по своей аксиологии располагается на оценочной оси от положительного до отрицательного. Различия в концентрации чувства, эмоции приводят к тому, что это слово обозначает явления и состояния, которые на шкале оценки находятся на противоположных полюсах. Любовь-*мерак* дает счастье, а может и вызывать страдания и быть причиной смерти.

Сравнивая традиционную аксиологию любви и ее современные модификации, следует отметить, что если раньше открыто не говорилось именно о любви в семье (о влюбленности и неразделенной добрачной любви текстов много), а, скорее, о заботе, уважении, помощи¹⁰, то сейчас прощальная форма «Я тебя люблю» стала практически нормой. Очевидно, это пришло из англо-американской культуры, где выражение *I love you* утратило свою семантику и является эмоциональной формулой окончания разговора или прощания.

¹⁰ Любовь как эмоция и состояние как поведение относятся к интимной сфере, что не так просто обсуждать в экспедициях при общении с носителями традиции; собирать в поле подобные сведения, как и «женские» темы, не всегда удается (Дугушина 2017).

Подытоживая наше исследование, отметим, что для работы по проекту методика этнолингвистических исследований (применение широкого народно-культурного контекста, включая диалектологию, фольклор, обряды, народную религиозность и пр.) весьма продуктивна. Анализ обширного корпуса нарративов, фольклорных произведений разных жанров, описаний ритуалов и словесных формул и пр. позволяет выявить ценности и их специфику. Некоторые ценности даны эксплицитно, но без употребления этого термина, большинство же представлено в языковой картине мира имплицитно: они могут выражаться в слове, в паремии, а могут — в действии, в запретах, в ритуалах. Ценность каждого источника может быть различной для изучения аксиологии конкретного концепта. Так, благопожелания и проклятия, причитания, величальные свадебные песни по определению имеют значительный аксиологический потенциал, тогда как в других текстах оценка присутствует не столь явно.

Использование письменных средневековых текстов открывает свои параметры аксиологии, а современные рекламные слоганы, заметки и «истории» (в новом понимании сторителлинга) предлагают новое прочтение традиционных ценностей и содержат указания на нетрадиционные ценности.

Соединение всех методов в работе по проекту, привлечение для анализа разнородных материалов дадут важные результаты для понимания вариативности, амбивалентности, взаимосвязи ценностей и их высокой контекстуальной зависимости.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 2005 — *Апресян Ю. Д.* Многозначность и синонимия слова *любить* // *Etnolingwistyka*. Lublin, 2000. Т. 12. S. 77–95.
- Бадаланова 1993 — *Бадаланова Ф.* Български еротикон. София, 1993.
- БЕР — Български етимологичен речник / Сост. В. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев и др. София, 1962–. Т. 1–.
- Белова, Кабакова 2014 — *Белова О. В., Кабакова Г. И.* У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды. М., 2014.
- Березович 2014 — *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014.
- БТР 1973 — Български тълковен речник. София, 1973.

- Васильев 2016 — *Васильев А. Д.* Концепт «жизнь» в системе ценностей жителей Приенисейской Сибири // Вестник Красноярского государственного педагогического института им. В. П. Астафьева. 2016. № 4. С. 215–217.
- Виноградова 2016 — *Виноградова Л. Н.* Мифологический аспект славянской фольклорной традиции. М.: Индрик, 2016.
- Витанова 2012 — *Витанова М.* Човек и свят. Лингвокултурологични проучвания. София, изд. «БУЛ-КОРЕНИ», 2012.
- Гаванде 2019 — *Атул Гаванде.* Все мы смертны. Что для нас дорого в самом конце и чем тут может помочь медицина. М.: АСИ, 2019.
- Геров — *Геров Н.* Речник на българския език. Пловдив, 1895–1904. Ч. 1–5.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого русского языка. Т. 1. М., 1955 (1880).
- Дугушина 2017 — *Дугушина А. С.* «Женские» темы в этнографии Балкан: нужно ли быть «своим», чтобы говорить об интимном // Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы *извне и изнутри* (Балканские чтения 14. Тезисы и материалы). М., 2017.
- Журавлева 2006 — *Журавлева Н. А.* Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Земрах 2005 — *Земрах Т. В.* Базовые ценности современной молодежной культуры. АКД ... философских наук. Ростов-на-Дону, 2005.
- Ипанова 2005 — *Ипанова О. А.* Жизнь // Антология концептов / Ред. В. И. Карасик, И. А. Стернин. Т. 2. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 146–166.
- Категория оценки 2015 — Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / С. М. Толстая (отв. ред.), О. В. Белова, А. В. Гура. М.: Индрик, 2015.
- Китанова 2015 — *Китанова М.* Род, семья и дом в болгарской культуре и языке. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015.
- Кузеванова 2011 — *Кузеванова А. Л.* Динамика ценностных принципов российской бизнес-деятельности: социологический анализ. АДД. Волгоград, 2011.
- Лапин 1996 — *Лапин Н. И.* Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. М., 1996. № 5. С. 3–23.
- Леонтьев 1992 — *Леонтьев Д. А.* Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992.
- Леонтьев 1998 — *Леонтьев Д. А.* Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. М., 1998. № 1. С. 13–25.
- Мичева-Пейчева 2017 — *Мичева-Пейчева К.* Сблъсъкът на чистотата и нечистотата в българската култура и език, София, 2017.
- РБЕ — Речник на българския език. Т. 1–15. София; <https://ibl.bas.bg/rbe/>
- РЭФ 1995 — Русский эротический фольклор / Сост. А. Л. Топорков. М., 1995.
- СБНУ — Сборник за народни умотворения. София, 1889–.

- Седакова 2009 — *Седакова И. А.* Семья как ценность и семейные ценности в нарративах старобрядцев Болгарии и Румынии // Категории родства в языке и культуре. М., 2009. С. 225–244.
- Седакова 2010 — *Седакова И. А.* Базовые ценности и их метаморфозы: *жизнь* (от выживания до «искусства жить») // Материалы к Международной конференции «Язык и общество в современной России и в других странах». М., 2010. С. 492–496.
- Седакова 2010а — *Седакова И. А.* Фольклор, ценности и коммерция (на материале цветочных мифов в СМИ и Интернете) // От конгресса к конгрессу. Материалы Второго Конгресса российских фольклористов. М., 2010. С. 91–98.
- Седакова 2013 — *Седакова И. А.* Смена ценностных парадигм в России в 2011–2013 гг.: от честности к свободе // *Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury*. 25. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2013. S. 53–68.
- Седакова 2015 — *Седакова И. А.* Аксиология старости в традиционной картине мира болгар (на общеславянском фоне) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / С. М. Толстая (отв. ред.), О. В. Белова, А. В. Гура. М.: Индрик, 2015. С. 237–259.
- Седакова 2018 — *Седакова И. А.* Концепт «любовь» в этнолингвистическом освещении (на болгарском и инославянском материале) // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018. Доклады российской делегации. Москва, Институт славяноведения, РАН, 2018. С. 472–489.
- Толстая 2010 — *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской лингвистике. М., 2010.
- Толстая 2012 — *Толстая С. М.* Лики любви в зеркале славянских языков // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М., 2012. С. 587–597.
- Толстая 2019 — *Толстая С. М.* Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019.
- ТСРЯ 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- Топорков 2015 — *Топорков А. Л.* «Лежит доска, на ней тоска»: Тоска в любовных заговорах // Русская речь. 2015. № 3. С. 114–120.
- Шварц 2012 — *Шварц Ш.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. М., 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
- Эволюция ценностей 2011 — Эволюция ценностей в языках и культурах / Отв. ред. И. А. Седакова. М.: Пробел-2000, 2011.
- Bartmiński 2014 — *Bartmiński, Jerzy.* *Polskie wartości w europejskiej aksjoserferze*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014.

Connors 2017 — *Connors, Ch. D. The Value of You: The Guide to Living Boldly*. New York: Patricia William Publishing, 2017.

LAS 2015–2019 — *Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów*. Tom 1–5. Lublin, 2015–2019 (T. 1 — Dom; T. 2 — Europa; T. 3 — Praca; T. 4 — Wolność, T. 5 — Honor).

Wartości 2015 — *Wartości w języku i kulturze / Pod red. Jana Adamowskiego i Marty Wójcickiej. Tradycja dla współczesności. Ciągłość i zmiana*. Tom 8. Lublin, 2015.

Irina Sedakova (Moscow)

Traditional and non-traditional values of the Russian and Bulgarian peoples: problems and methods of investigation

Abstract. The article discusses the major terminology and notions valid for the joint Russian-Bulgarian-Slovak research project *Linguistic and ethno-cultural dynamics of the traditional and non-traditional values*. The most important concept is the *value* (Russian *ценность*, Bulgarian *ценност*) in its plural form, an artificial construct which is used to denote units of the axiological system both in traditional and modern societies. The terms give the scholars the clue towards differentiation of the traditional and non-traditional values. In the traditional discourse, as we discover in our field work, the very term *value* is not used in such meaning, while in the modern society the system of *values* is verbalized and declared as such. Non-traditional values are denoted by the same words, as the traditional ones, but they have different content and pragmatics. Meanwhile the new values are often denoted by borrowed, non-Slavic words (*креативност, лидерство*).

The dynamics and hierarchy of the values depend on many factors, such as religiosity and ideology of the society, personal characteristics, such as age and generation, background, gender, etc. The research methodology to be used for various values is subject to the data investigated — oral or written, historical or folkloric, modern or medieval texts.

Some concepts (*old age, love*) are briefly depicted to illustrate the main theoretic points and comparative Russian-Bulgarian axiological issues.

Key words: axiology, ethnolinguistics, Bulgarian, Russian, love, old age, dynamics of the values.

Note on the author: Irina Sedakova, PhD, DrSc, Head of the Department of typology and Comparative linguistics, Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. Email: irina.a.sedakova@gmail.com.